

89
Б43

Міністерство вищої та середньої спеціальної освіти УРСР

ХАРКІВСЬКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО ЧЕРВОНОГО ПРАПОРА
ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ імені О. М. ГОРЬКОГО

Наукові записки т. 101
К-10200

ТРУДИ ФІЛОЛОГІЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ

ТОМ 7

★

Окремий відбиток статті

А. И. Белецкий

НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ В ИСТОРИИ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Івану Олексійовичу
Світлізкому
на статтю про ХЗУ
і про О. Білецького

ВИДАВНИЦТВО ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
імені О. М. ГОРЬКОГО

10-00

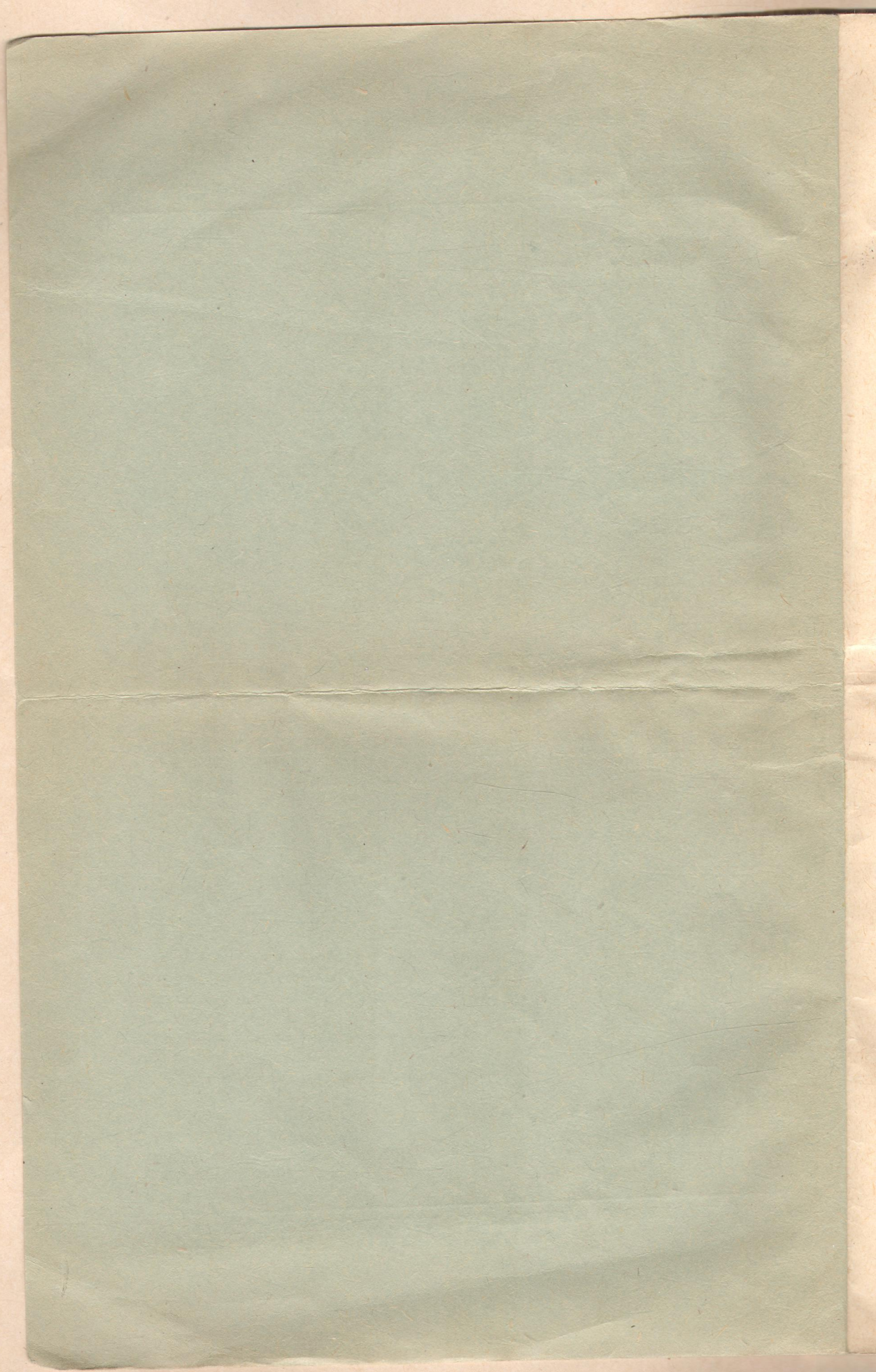
K-10200
П 335014

V.N. Karazin Kharkiv National University

00990925

6

Александр Шандиш

А. И. БЕЛЕЦКИЙ

НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ В ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Социалистическая культура, как известно, явилась исторически закономерным развитием прогрессивных достижений и устремлений предшествовавшей истории человечества.

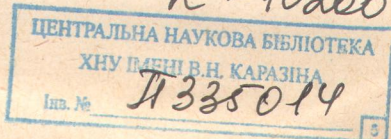
Одной из составных частей социалистической культуры является наука о человеческом обществе, а одной из отраслей этой науки — литературоведение, история и теория словесного искусства.

Методологические основы советского литературоведения заложены в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Для развития нашего отечественного литературоведения великое значение имела деятельность русских революционно-демократических критиков, а также их соратников и последователей в среде братских народов СССР.

Долгий и сложный путь прошла наука о литературе в течение XIX — начала XX века. Почти с самого начала истории этой науки ее представители распались на два лагеря, между которыми по временам возникали резкие антагонизмы, отражавшие борьбу классов, участвовавших в строительстве культуры. В одном лагере сосредоточились представители «академической науки», профессионалы-ученые; в другом — представители «журнальной критики». Первые предпочитали уходить в прошлое, собирать и систематизировать фактический материал, теоретически осмысляя его, а иногда ограничиваясь только одним накоплением фактов. Вторых интересовали преимущественно современная им литература и те факты прошлого, которые помогали ее объяснить и оценить.

Это внешнее разделение не предполагает, конечно, внутреннего единства в каждом из двух лагерей. И в том и в другом представители передового общественного мировоззрения боролись с реакционерами. «Журнальная критика» ближе стояла к классовой борьбе и отчетливей ее выражала. Представители академического литературоведения нередко заявляли о своей «аполитичности» и «беспартийности», о своем желании служить интересам «чистой науки». Тем не менее, лучшая часть их служила прогрессу отечественной культуры. Было бы грубой ошибкой, имевшей место у вульгаризаторов марксизма — огульно и легкомысленно отрицать все, что сделано было учеными, работавшими в университетах и научных организациях дооктябрьской эпохи.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость строить социализм на основе материалов, оставленных предыдущим развитием человечества. В. И. Ленин ссылался на пример К. Маркса, который переработал и подверг критике все, что было до него создано человеческой мыслью, проверил на рабочем движении и «сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными пред-
рассудками люди сделать не могли».

Говоря о пролетарской культуре, В. И. Ленин подчеркивал, что она «должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества». «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»¹.

Долг советского литературоведа также заключается в том, чтобы овладеть запасами знаний, выработанных досоветским литературоведением, критически пересмотреть их и сохранить из этого наследства то лучшее, что может быть полезно для развития советской науки.

За сорок лет, прошедших с начала Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом изменился и метод, и характер общественных наук, в том числе и науки, изучающей литературу. Но для того чтобы ясно представить себе эти изменения, чтобы понять конструктивный характер нашего литературоведения, полезно бросить взгляд на прошлое. В частности, говоря о развитии литературоведения в Харьковском университете за время с 1917 по 1957 год, следует хотя бы вкратце остановиться на том пути, который прошла эта наука в Харьковском университете за 110 предыдущих лет — с основания первого на Украине университета.

Каковы были прогрессивные традиции, унаследованные советским университетом от прошлого? Каков был вклад, сделанный харьковскими литературоведами дооктябрьской поры в отечественную науку? Каковы были условия, в которых работали эти ученые, препятствия, которые им удавалось, а чаще не удавалось, преодолевать?

Материалы для такой краткой характеристики собраны частью в юбилейных изданиях Харьковского университета, выпущенных в свет в связи со столетием университета в 1905 году; частью в книге «Харьковский университет имени А. М. Горького за 150 лет» (1955); частью в «Сборниках» и других изданиях Харьковского историко-филологического общества. Вдаваясь читателя к этим изданиям, мы позволим себе в дальнейшем не вдаваться в био-библиографические справки. Задача данной работы — не столько история литературоведения в Харьковском университете, сколько ответ на поставленные выше вопросы. Этот ответ должен показать, какие традиции прошлого мы можем признать прогрессивными, и в чем сущность того нового, что принес с собой Октябрьский переворот в организацию научной работы и в ее содержание.

* * *

17 января (ст. ст.) 1805 года на торжественном акте открытия Харьковского университета выступил с речью «Об изящных науках» первый профессор российской словесности и красноречия в новом университете, первый его ректор Иван Степанович Рижский, член Российской академии, автор книг «Опыт реторики», «Введение в курс словесности» (1806) и «Наука стихотворства» (1811).

Истории литературы как науки в те времена еще не существовало. Лишь общая схема этой будущей науки была предложена А. Л. Жерменой де Сталь в книге «О литературе в ее отношениях к общественным учреждениям» (1800). Автор книги горячо отстаивал идею прогресса в литературном развитии и впервые подал мысль об общественной обусловленности этого развития. В Германии еще до этого материал для конретизации такой схемы собирал Гердер.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

Рижский видимо не был в курсе этих новинок. Зато он глубоко усвоил труды теоретиков французского классицизма — этих превосходных рационализаторов и систематиков, создавших теорию, с которой по четкости и стройности не могла впоследствии сравниться никакая буржуазная теория поэзии. Исходя из тезисов французской классической поэтики, Рижский определял поэзию, то есть стихотворство, как «искусство живо изображать измеренною речью вымышленную самим стихотворцем по образцу действительного изящества изящнейшую в его мнении природу». Говоря проще, сущность поэзии — вымысел, «не что иное, как созданное силою мечтаний правдоподобное изящество, превосходнейшее действительного; всякий вымысел есть подражание изящной природе».

Однако цель этого подражания не одно только удовольствие, но непременно и нравственная польза. На этом Рижский настаивает. Есть много благовоспитанных людей, говорит он, которые, считая достойными человека лишь упражнения, питающие его разум, ставят ни во что стихотворство, потому что с их точки зрения оно лишь обольщает наше воображение своими мечтами. Это неправильно. Очарования эти не что иное, как только средства, употребляемые стихотворцами для того, чтобы доставить нам настоящую и притом весьма существенную пользу. Средства же эти извлечены из глубокого знания нравственной стороны человека, и по одному этому они возвеличивают человеческий ум. «Ибо что может быть важнее и благодетельнее, как впечатлеть в душе человека добродетели и отвращение к пороку».

Цель поэзии, таким образом, активное воздействие на человеческую душу, а следовательно, и на жизнь. Художественная форма — лишь средство, служащее только для того, «дабы с сею приятною пищею дать приметно вкусить сладость нравственного добра и горесть зла».

Мы, конечно, весьма далеко ушли от «Науки» Рижского. И все же она ближе к нам, чем позднейшие теории самодовлеющего искусства, «искусства для искусства». Этот старомодный курс, составленный по Батте и Блэру (эдинбургский профессор риторики XVIII в.), которого Рижский читал во французском переводе и, конечно, по Мармонтелю, в котором лишь мимоходом упоминается, как о новинках, о песнях Оссиана, идиллиях Гесснера, мещанской трагедии, и преимущественно излагается теория жанров — для своего времени был явлением выдающимся, одним из первых систематических и полных курсов теории поэзии на русском языке в начале XIX века.

В этом труде старого харьковского литературоведа есть нечто симптоматическое для дальнейшего развития науки о литературе в Харьковском университете. Мы увидим в дальнейшем, какое существенное место заняло впоследствии в университете изучение теории литературы — от Потебни и Овсянико-Куликовского вплоть до наших дней.

Мы увидим, с другой стороны, что подчеркиваемый автором курса момент нравственного, общественного воздействия литературы стал моментом, который и позже делал художественную литературу особенно привлекательной для харьковских литературоведов прогрессивного направления, делал их общественниками по преимуществу.

Первый харьковский словесник жил и действовал в городе, представлявшем просто большое украинское село, еще не успевшее обрусеть. Университет был еще весь в будущем: его настоящее было довольно уныло. Посетивший Харьков в 1837 году В. А. Жуковский свои впечатления от университета отметил в дневнике кратко: «Теснота и бедность». До 1835 года истории словесности как учебного предмета в университете не существовало. Пробел восполняла «кафедра красноречия, стихотворства и языка российского». Талантливых приемников у Рижского не было.

Лишь для библиографической полноты можно упомянуть труды Борзенкова, Золотарева, Якимова. Последний писал, например, рассуждения в стихах и прозе — о красноречии в смысле подлежательном и в смысле предметном, о красотах и изобилии русского языка и тому подобное. Харьковский университет избрал в почетные члены графа Хвостова, о котором все помнят по эпиграммам и пародиям Пушкина. В 1811 году Хвостов послал университету 25 экземпляров своего сочинения о пользе критики с просьбой «рассыпать оное по училищам губернии, как оное сочинение есть классическое». Университет ревностно взялся за это, возникло «дело» на 20 листах за № 682. Это один из многих анекдотов того времени. Наука о литературе возникала в университете медленно и туго.

Зато почти с самого начала университет стал средоточием местной литературной жизни, выделившей Харьков из других городов Российской империи первого сорокалетия.

Нынешний Харьков, крупный индустриальный центр УССР, был некогда — надобно это помнить — колыбелью новой украинской литературы. Ее начало ведут от Котляревского. Но знаменитая «Енеїда» была ласточкой, не сделавшей весны. В своей Полтаве Котляревский пребывал в одиночестве. Украинское литературное движение, как движение, началось на Слобожанщине и было связано с Харьковским университетом. Первые его проблески показали в харьковских журналах 1816—1819 годов — «Харьковском Демокрите», «Харьковском вестнике». В последнем была напечатана известная басня-сатира П. Гулака-Артемовского, профессора и ректора университета. Одним из представителей возникшей в 1835 году кафедры российской словесности был А. Метлинский, пионер украинского романтизма, знаток и любитель украинского фольклора. В числе учеников Гулака-Артемовского находился Измаил Срезневский, впоследствии «отец русского славяноведения», а в харьковский период жизни и деятельности — энтузиаст украинского языка и народной поэзии, издатель сыгравшего заметную роль в истории украинского романтизма сборника «Запорожская старина». И. Срезневский был великоросс, так же как студент Харьковского университета Н. Костомаров, выступавший одно время как украинский поэт под псевдонимом Иереми Галки. Впоследствии он стал другом Шевченко и одним из инициаторов «Кирилло-Мефодиевского братства». С университетом связаны были также поэт М. Н. Петренко и прочно осевший в Харькове Я. И. Щеголев, ставший поэтом широкой известности к концу века. С кружками университетской молодежи общался Г. Ф. Квитка. Произведения молодых поэтов печатал в своем альманахе «Сніп» Ф. Корсун (1841), преемником альманаха был «Молодик» Бецкого, переехавшего в Харьков из Москвы. В одном из выпусков «Молодика» появился и первый опыт украинской литературной критики — «Обзор сочинений, писанных на малорусском наречии» (1844) И. Галки (Костомарова).

Один этот сухой перечень уже показывает, что университету выпала доля заложить фундамент и украинской художественной литературы, и украинской фольклористики, и украинской критики. Это, разумеется, было важнее всех читавшихся в то время курсов и научных трудов Гонорского, Якимова и Костыря.

Ученые нового, филологического, типа стали появляться в университете примерно с 50-х годов. В 1863 году по новому уставу в университете были организованы две кафедры: кафедра русского языка и словесности и кафедра всеобщей истории литературы. Среди представителей этих кафедр мы можем указать и подлинно крупных ученых. С 60-х годов начинает свою деятельность А. А. Потебня, остающийся харьковским профессором вплоть до своей смерти в 1891 году.

В 1873 году в звании приват-доцента начинает работу А. И. Кирпичников. Учениками А. А. Потебни были М. Г. Халанский, Н. Ф. Сумцов, В. И. Харциев. Слушателями лекций Потебни были Д. Н. Овсянко-Куликовский и студент юридического факультета А. Г. Горнфельд. Учениками А. И. Кирпичникова были Л. Ю. Шепелевич и С. В. Соловьев.

Вот крупнейшие из литературоведов, определившие научную физиономию Харьковского университета 70—80-х годов, создавшие ту литературоведческую атмосферу, которая держалась долго — вплоть до начала века.

О характере этой атмосферы, каким он представлялся самим деятелям, можно судить по воспоминаниям С. В. Соловьева, в 70-х годах бывшего еще студентом-филологом.

«Я в университете, в святилище: вижу профессоров, являющихся для меня пророками. Вхожу в аудиторию № 2 и слышу первое слово моего незабвенного учителя А. И. Кирпичникова, читающего историю провансальской лирики, а затем новую литературу, выбирающего в ней наиболее крупных представителей западноевропейской мысли, с особенной любовью останавливающегося на проповедниках гуманности и милосердия. А. А. Потебня читает введение в русскую грамматику, а затем теорию поэзии, знакомя с Пушкиным и Тютчевым, Гете и Шекспиром, русской сказкой и малорусскою песнью. Юный профессор Н. Ф. Сумцов раскрывает предо мною совершенно невидимые уголки в истории русской литературы, в течение целого года читает о Пушкине у небольшого столика, попутно делая экскурсии, являющиеся для меня энциклопедией фольклора; наконец Николай Федорович раскрывает передо мной свой богатейший фольклористический клад, из которого я черпаю указания на легенды и песни Востока и Запада, русские сказки, малорусские думы... Вот чем я обязан родному университету. Вот то богатство, которое я от него получил».

Продолжая свой рассказ, С. В. Соловьев характеризует начало 80-х годов как время процветания историко-филологического факультета. «Большинство студентов смотрело на профессоров, как В. Гюго на поэтов — маги, пророки... Партий между студентами в то время не было. Поклонники мягкого славянофильства Достоевского уживались с ярыми сторонниками В. Гюго. Зачитывались Тургеневым... Кто интересовался Декартом и картезианцами, кто польским и немецким романтизмом, кто гуманными мотивами в творчестве Вольфрама фон Эшенбаха, кто поэзией Дубровника...»

Несмотря на бросающуюся в глаза сентиментально-романтическую окраску воспоминаний одного из «патриотов» Харьковского историко-филологического факультета, в цитированных отрывках хорошо подмечены некоторые черты, действительно типичные для харьковских словесников второй половины века.

Первая из них — это несомненно присущая им широта научных интересов.

Почти никто из них не был узким специалистом, замкнутым в рамки только одного своего предмета. Первый из названных С. В. Соловьевым, А. И. Кирпичников, от своего учителя Ф. И. Буслаева получил интерес к фольклору, старинной русской литературе, литературам средневекового Запада, к истории искусства. В своих работах он изучал то судьбу древнегреческих романов в литературах новой Европы, то средневековые поэмы «ломбардского цикла», то историю святого Георгия-Егория в церковной легенде и в народном творчестве. Но Кирпичников отнюдь не только литературовед-медиевист: он автор ряда работ по новой русской литературе, исследователь Гоголя; от изучения «Диалога чудес» Цезария

Гейстербахского он переходит к Жорж Санд, В. Гюго и Диккенсу, читая о них публичные лекции; следит за новинками современных западноевропейских литератур. Первый русский опыт сводного обзора всеобщей истории литературы — бесполезная до сих пор, хотя, конечно, устаревшая «Всеобщая история литературы под редакцией Корша и Кирпичникова» — чуть ли не наполовину составлен из его лекций, записанных С. В. Соловьевым. А. И. Кирпичников — отличный популяризатор, умевший и заинтересовывать, и вовлекать в работу педагог, в собственной деятельности не чуждый дилетантизма, но дилетантизма, так сказать, особого рода, вызывавшегося широтой любознательности и большой общественной отзывчивостью.

В противоположность ему А. А. Потебня был строгим филологом, специалистом высокой марки. Но и он в своих лингвистических исследованиях опирается на философию, на психологию. Кроме того, он совершает экскурсы в область фольклора, изучает и по-новому истолковывает «Слово о полку Игореве», живо интересуется украинским литературным процессом, редактирует собрание сочинений Г. Ф. Квитки, опекает горемыку-поэта и фольклориста Манжуру, а на досуге пробует переводить украинскими гекзаметрами «Одиссею». Работа в области языка для него путь к некоему большому синтезу, где лингвистика сочетается с теорией литературы, открывая путь к установлению общих законов мышления и творчества. Ученый погружен в изучение звуков и грамматических форм, но в то же время его волнуют и вопросы текущей русской литературы, и произведения Л. Н. Толстого и Достоевского, он оставляет после себя громадное количество начатых работ, конспектов и заметок. До сих пор они не разобраны окончательно и не исчерпано все богатство заключенных в них мыслей.

Наконец, третий из названных, Н. Ф. Сумцов, начавший преподавание в 70-х годах, до самой смерти (в 1922 г.) не прекращает работы, рядом с историей русской литературы занимается украинскою, все время изучая также фольклор, этнографию, народное искусство, искусство западноевропейское и откликаясь в своих многочисленных статьях на самые разнообразные вопросы литературы и общественной жизни.

Также широк и диапазон интересов Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Официально он — профессор сравнительного языкознания. Он начинал с индианистики: его магистерская диссертация посвящена древнеиндийским культам эпохи Вед (1884). Напечатав ряд статей о религии и культуре древней Индии, Овсяннико-Куликовский под влиянием А. А. Потебни переходит к занятиям в области психологического языкознания, от работ по русскому синтаксису, подобно Потебне, восходя к общим проблемам мышления, к вопросам психологии художественного творчества, изучаемым и теоретически, и на конкретном материале русских классиков — Тургенева, Л. Н. Толстого, Гоголя, Чехова, творчество которых в конце XIX и начале XX в. еще почти не входило в круг академического изучения и не обсуждалось на университетских лекциях. Он читает о них специальные курсы, собирающие аудиторию с разных факультетов и открывающие новую эпоху в преподавании новой русской литературы.

Те же свойства вольно или невольно передаются более молодым преподавателям, даже тем, кто с виду кажется узким специалистом. Пришедший в Харьковский университет в 1889 году из Нежина А. П. Кадлубовский составил себе репутацию отличного знатока древнерусской литературы. Ей посвящена крупнейшая из его печатных работ; с энтузиазмом, заражающим слушателя, он читает общие и специальные курсы, посвященные спорам иосифлян и заволжских старцев, древнерусской по-

вести, драматическим произведениям XVII—XVIII веков, апокрифам и легендам. Но и собственные его изучения, и занятия со студентами зиждутся на фундаменте превосходного знания классических языков и истории западноевропейских литератур; за частными вопросами перед слушателями встают проблемы широкого синтеза, за вопросами истории — вопросы теории, разрешаемые в духе исторической поэтики А. Н. Веселовского, горячим пропагандистом которой А. П. Кадлубовский явился в Харьковском университете. Эта пропаганда не была, однако, односторонней: последователь Веселовского, Кадлубовский был вместе с тем знатоком всей истории поэтики от Аристотеля до XIX века включительно, и в течение ряда лет читал специальные курсы по истории теории поэзии, в старых университетах являвшиеся редкостью. Изучению истоков русской и украинской поэтики он предполагал посвятить свою так и недописанную докторскую диссертацию, для которой был собран громадный материал из рукописных «пиитик» XVII века и фрагментами которой остались печатные статьи о ломоносовской теории «трех штилей», о «Правилах пиитических» Апполоса Байбакова и др.

Упомянем еще об одном литературоведе — ученике Д. Н. Овсянико-Куликовского П. Г. Риттере. Преподаватель итальянского языка и санскрита, он был переводчиком памятников санскритской литературы на русский и украинский язык (им составлена, между прочим, большая, не имеющая пока себе равных, антология древнеиндийской литературы в украинских переводах) и в то же время выдающимся знатоком музыки, музыкальным критиком и исполнителем, работавшим в университете и в консерватории.

Один из слушателей А. А. Потебни, А. Г. Горнфельд, впоследствии известный критик и автор ряда работ по психологии творчества, которые А. М. Горький рекомендовал вниманию молодых писателей, дал прекрасную характеристику впечатления, которое производил на аудиторию Потебня (сам А. Г. Горнфельд числился на юридическом факультете): «Профессор наполнял своей личностью, своим содержанием, своими воззрениями; за ученым мы видели человека, за теоретическим изложением специальной науки нам виднелась другая правда, которая передавалась нам не доказательствами, а убеждением, не логическим анализом, а настроением... Нас тянула эта широта взглядов, это проникновение в суть явлений, это стремление идеализировать явление, не вгоняя его насильно в прямолинейные обобщения... Перед взволнованным слушателем вставал бесконечный простор царства мысли, царства правды».

В известной мере эти слова можно отнести и к другим названным профессорам. Разумеется, «широта взглядов» не у всех была одинакова. Но общей чертой для всех было просветительство, присущее почти всем крупным харьковским литературоведам, мысль об общественном значении своей работы. Тот подъем научной мысли, который так характерен для русских шестидесятников, и то своеобразие мышления, которое им присуще, отозвались и на работе харьковских словесников 70—90-х годов.

Раскроем список научных и литературных работ Н. Ф. Сумцова. Первым впечатлением будет чрезвычайная пестрота. О чем только не пишет ученый: и о свадебных обрядах, и о немцах Юго-Западного края, о новейшей поэзии, как «образовательном средстве для крестьян», и о творчестве Пушкина, об Иоаннии Галаятовском и о «Скучной истории» Чехова, о Шевченко и Квитке-Основьяненко и о Леонардо да Винчи, а подле них статьи «Мышь в народной словесности», «Заяц в народной словесности» и т. п.

Пишущий эти строки был слушателем Н. Ф. Сумцова в 900-х годах. Молодежь относится критически к деятельности наставников, особенно в начале общения с ними: знакомясь с работами своего профессора, мы готовы были трактовать их, как неглубокие, находили, что он, как ученый, разбрасывается. Н. Ф. Сумцов действительно разбрасывался. Но он хорошо сказал в начале своей монографии о Лазаре Барановиче: «Люди инициативы дороги во всякое время; от них всегда остается какой-нибудь плод, какой-нибудь след в общественной жизни, в науке или литературе. Самое движение или брожение мысли, вызванное в обществе их энергией, уже своего рода толчок к тому, чтобы жизнь не плесневела, не закисло в зловредном для нее спокойствии и однообразии». Эти слова применимы и к самому Н. Ф. Сумцову: человек инициативы, типичный просветитель, он действительно дал толчок движению науки в разных областях. Одним из первых он заговорил об украинских литературных деятелях XVII века; он первым поставил вопрос о связях творчества Пушкина с народным творчеством; первым подошел к ряду существенно важных тем из области украинского фольклора и этнографии. По многому он только скользнул не углубляясь, но широта его отзывчивости, его любознательности неоспорима.

Мы не думаем выделять словесников из всей среды деятелей университета. Оглядываясь в прошлое, мы должны признать, что вообще передовая профессура Харьковского университета последних десятилетий XIX века вся тяготела к общественной деятельности, хотя бы в тех рамках, какие ставил для этой деятельности господствовавший тогда режим. Профессора были главными деятелями Харьковского общества грамотности, основателями и устроителями Харьковской общественной библиотеки (ныне библиотека имени В. Г. Короленко), организаторами публичных лекций, основателями и преподавателями Народного университета, образовательных курсов для рабочих и т. п. Во всех этих начинаниях литературоведам принадлежало видное место.

В 1877 году при университете возникает историко-филологическое общество, председателем которого был А. А. Потебня, а после него Н. Ф. Сумцов. Учреждение общества, как писал в статье, посвященной его 25-летию, Н. Ф. Сумцов, «совпало с тем стремлением к изучению русской старины и народности, которое обнаружилось как продукт происходившего в самом обществе стремления к развитию национального самосознания на почве изучения отечественной истории».

В работе общества словесники приняли самое живое участие — десятки докладов А. А. Потебни, А. И. Кирпичникова, Н. Ф. Сумцова, М. Г. Халанского, Л. Ю. Шепелевича, С. В. Соловьева, А. П. Кадлубовского, М. И. Савинова, А. В. Ветухова, В. И. Харцьева и других свидетельствуют об этом, равно как и множество работ по истории литературы, по фольклору, напечатанных в 20 с лишком томах «Сборника Харьковского историко-филологического общества», в выпусках «Вестника Историко-филологического общества». В 1892 году, как филиал, при нем возник педагогический отдел, издавший хрестоматию — пособие для общедоступных чтений, выпускавший свои специальные сборники, организовавший публичные лекции. Все это происходило в обстановке, весьма неблагоприятной ни для научной, ни для общественной работы.

В 1874 году Н. Ф. Сумцов закончил одну из первых своих работ — «Исторический очерк христианской демонологии». Работы на эту тему в России тогда были еще редкостью. История религий еще не стала предметом научного изучения; ее касались со специфической точки зрения только в духовных академиях. Вера в дьявола была неразрывна с верой в бога, официально предписанной подданным Российской империи. Моло-

дой ученый шел по стопам Дрэпера и историка рационализма Лэkki — двух авторитетных для демократии 60—70-х годов, рядом с Боклем, автором «Каждый шаг в познании природы, — писал он, — был ударом дьявольской деятельности, потому что сфера эта — невежество. Благодаря реальным знаниям, человек увидел там причинную связь и естественное объяснение, где прежде грезилась ему чудеса». Такова исходная точка зрения работы, которая могла бы представлять интерес не только для историка религии, но и для фольклориста, и для литературоведа, столько раз встречавшегося с демоническими образами в созданиях великих поэтов от Мильтона до Гете, от Лермонтова до Достоевского. Работа была подготовлена к печати, но запрещена цензурой, и самая рукопись ее не была возвращена автору, на которого сразу легла тень «неблагонадежности».

Работать приходилось в условиях нараставшей реакции. За печатной продукцией зорко следила цензура, за преподаванием — университетская администрация и «попечители учебного округа», а за всеми вместе — царская жандармерия. Диссертация молодого Н. Костомарова об унии показала предосудительной духовным властям и была уничтожена. Потенцию подозревали в украинском сепаратизме; в том же подозревали и его ученика Сумцова; Л. Ю. Шепелевич, по происхождению поляк, представлялся носителем «польской интриги»; Овсяннико-Куликовский был подозрителен, как сотрудник либеральных журналов. По просьбе студентов Н. Ф. Сумцов в день «тысячелетия Кирилла и Мефодия, изобразителей славянской азбуки», прочитал специальную лекцию об этих «просветителях славян», признанных церковью «святыми». Попечитель учебного округа перепугался: уж не идет ли речь о «Кирилло-мефодиевском братстве» 40-х годов? Профессор был призван для объяснения, и ссылка на «святость» Кирилла и Мефодия не рассеяла окончательно сомнений начальства. Это кажется анекдотом, но такими печальными анекдотами была полна повседневная жизнь университета.

В 80-х годах их количество увеличилось с появлением в рядах филологического факультета «ординарного профессора по кафедре славяноведения» П. А. Бессонова, темной личности, человека «научно-невменяемого», по словам А. Н. Пыпина. На его лекциях студенты узнавали, например, что название озера в Армении Ван происходит от русского имени Иван, что римские «пенаты» — искажение слова «панята», а имя троянца Париса идет от русского слова «парень». Плодовитый на такого рода открытия, Бессонов не менее был плодовит на доносы, к которым начальство охотно прислушивалось.

Царское правительство вынуждено было терпеть существование науки. Но терпя, оно ставило ей всяческие препоны и рогатки. История не только литературоведения, но и других наук в Харьковском университете, как и в большинстве других университетов Российской империи, — это история непрерывной, часто бессильной борьбы с кураторами, попечителями, министрами и другой «властью предрежающей», пытавшейся всячески затруднять, обуздать, сокращать научно-учебную деятельность. Этой всемогущей власти противостояла группа, пытавшаяся в течение десятилетий с помощью компромиссов, бесполезных воззваний к здравому смыслу, осторожных ходатайств сохранить университет, сохранить науку и собственное существование.

Профессора-словесники Харьковского университета XIX — начала XX в. не были, конечно, революционерами. К ним можно применить слова прогрессивного английского ученого и общественного деятеля наших дней Дж. Бернала о научной интеллигенции начала XX века: «Она разрыва-

лась вследствие двусторонней лояльности между идеями и практикой, между защитой угнетенных и прилежным гражданством»¹. Перед многими харьковскими литературоведами стояла дилемма, знакомая всей интеллигенции 80—90-х годов: или бросить службу или «сжаться». И они «сжимались».

Удивительно не это, а то, что в данных условиях они проявляли порой смелость, качество, свойственное далеко не всем «прогрессистам» того времени. Кандидатура Ивана Франка в доценты Львовского университета в 1895 году была, как известно, отвергнута и реакционной западноукраинской профессурой и представителями галицийской власти. А филологический факультет и совет Харьковского университета в 1906 году поднесли знаменитому, но явно «неблагонадежному» и в глазах царского правительства украинскому писателю, ученому и общественному деятелю степень почетного доктора русского языка и словесности².

Из филологического факультета Харьковского университета вышел проект представленной Академией наук записки «Об отмене стеснений малорусского печатного слова». Составляли его как раз те профессора, которых и реакционная печать и любители доносов изобличали в «сепаратизме».

В 1910 году умер великий русский писатель Л. Н. Толстой, отлученный от церкви святейшим синодом, открыто объявлявший себя врагом существовавшего строя. Смерть его вызвала широкий отклик по всей стране. Менее всего откликнулись на нее представители науки провинциальных университетов. А Харьковский университет устроил торжественное заседание, посвященное памяти Л. Н. Толстого, на котором с докладами выступили Н. Ф. Сумцов, А. П. Кадлубовский, В. П. Бузескул, С. В. Соловьев.

Так при всем старании властей прекратить создаваемое профессурой «брожение умов» — сделать этого не удалось. Само собою понятно, что не все харьковские профессора и не все филологи принимали участие в этой то явной, то потаенной борьбе против «начальства». Бывали профессора-черносотенцы, бывали среди словесников робкие обыватели, либералы «применительно к подлости», по обозначению Щедрина. Но не они определяли общественную физиономию Харьковского университета и харьковских литературоведов. При всех колебаниях прогрессивные стремления все же брали верх. Сейчас, с высоты, достигнутой нашим народом за славное сорокалетие, мы можем взглянуть на прошлое глазами историков и правильно оценить все то добро, которое было сделано этими носителями прогресса.

Перед нами, однако, другой еще более важный вопрос: каковы же научные достижения харьковских профессоров-словесников дооктябрьской поры, чем может их помянуть история нашей науки?

С гордостью за наш университет мы можем ответить: да, истории литературоведения есть чем помянуть старых харьковских литературоведов. Харьков второй половины прошлого века был не только просветительным центром вообще: в нем была научная филологическая литературоведческая среда. Недаром его деятели так любили свой университет. А. И. Кирпичников, воспитанник Московского университета, отправившись в заграничную командировку, так однажды писал из Лейпцига харьковским товарищам: «В Лейпциге я просижу долго; отсюда поеду в Лондон поработать исключительно в Британском Музее. Харьков пред-

¹ Д. Ж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 586.

² Подробнее об этом в ст. І. Т. Балака. «І. Франко — почесний доктор російської словесності Харк. ун-ту», Уч. зап. ХДУ. Труды филолог. фак-ту, т. 4, 36. ст. до 100-річчя з дня народження І. Я. Франка, 1956, стр. 115—118.

ставляется мне на остров феи Морганы, если только мне суждено после многих мытарств возвратиться на милую для меня кафедру. Если моя, уже порядком побитая ладья минует подводные скалы и бури... с каким удовольствием буду я отдыхать в Лопанской гавани...»

В этих шуточных словах выражено серьезное чувство. В городе на берегу Лопани не столько отдыхали, сколько работали и работали плодотворно. В сокровищницу отечественной науки харьковскими литературоведами сделан был вклад, значение которого сохраняется до нашего времени.

Во-первых, харьковскими словесниками второй половины XIX века много сделано для изучения русского, украинского и мирового фольклора. Инициатива Срезневского и особенно Метлинского, их романтическое влечение к украинскому народному творчеству не пропали даром: посеянные ими семена дали жатву в работах А. А. Потебни, Н. Ф. Сумцова, М. Г. Халанского, отчасти и А. П. Кадлубовского. В исследовании возобладала сравнительная точка зрения; изучение фольклора у Н. Ф. Сумцова связывалось с изучением этнографии; благодаря его работам и работам группировавшихся около него лиц, быт и творчество крестьянского населения Слобожанщины XIX—XX веков освещены с разных сторон с большой полнотой.

Во-вторых, довольно рано в среде харьковских словесников зародился и развился живой интерес к славянству и славянским литературам. Еще в первой половине XIX века Метлинский переводит Мицкевича, Витвицкого и Одынца, из чехов — Коллара и Челаковского, а на лекциях популяризирует работы Шафарика. В Харькове начинает свою деятельность И. Срезневский, отсюда он отправляется в свои первые поездки по славянским землям. В 50—60-х годах славяноведение в Харькове представлено П. А. Лавровским, благодаря которому заинтересовался этой областью А. А. Потебня, изучавший украинский фольклор на фоне общеславянского. П. А. Лавровский читал курсы истории польской, чешской и сербской литератур. Изучению болгарского языка и фольклора положил начало в Харькове видный деятель болгарского культурного возрождения М. С. Дринов, интересовавшийся, правда, больше историей. Но среди его учеников был М. Г. Халанский, чья большая монография «Южно-славянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса», написанная в 1896 году, очевидно, не потеряла значения и до сих пор, потому что ею широко воспользовался академик Н. С. Державин в статье на ту же тему, изданной по-русски в Болгарии в 1945 году. В Харькове проходили лучшие годы деятельности такого выдающегося слависта, как С. М. Кульбакин. Он был лингвистом, но слушатели его помнят, что именно у него на практических занятиях они знакомились и с сербскими песнями, и с творчеством Яна Кохановского, и с сатирами Гавличека Боровского.

Заметный вклад в литературоведческую науку был сделан и историками западноевропейских литератур. В лице Л. Ю. Шепелевича Харьковский университет имел превосходного испаниста и лучшего в свое время знатока биографии и творчества Сервантеса. Новые работы об авторе «Дон Кихота», двинувшие вперед дело его изучения, появились у нас только в советское время. Сотоварищ Л. Ю. Шепелевича, С. В. Соловьев, много занимавшийся французским романтизмом, был в то же время одним из весьма немногих в России знатоков старой и новой провансальской литературы, автором обстоятельных работ о Фредерике Мистрале и его окружении.

Но едва ли не самым важным был вклад Харьковского университета в изучение теории поэзии. Основателем этого изучения был Потебня.

Наследие Потебни собирали, комментировали и популяризовали его ученики В. И. Харциев, А. Г. Горнфельд, а позже Б. А. Лезин. По инициативе последнего возникло получившее широкую известность издание «Вопросы теории и психологии творчества» (8 томов, 1907—1923), вызывающее известный интерес в кругу словесников и до сих пор. Задуманное как популяризация идей Потебни и Веселовского, издание затем отошло от этого замысла в широкую область теории и психологии творчества художественного и научного, а также общих вопросов эстетики, группируя вокруг себя состав разнообразных сотрудников, утрачивая единство плана и метода, но оставаясь довольно долго (до 1917 года) живым словом по теории литературы. Оно дало повод говорить о «харьковской школе» в области литературоведения. К школе этой из старшего поколения примыкал и Д. Н. Овсянко-Куликовский; интерес к теоретическим вопросам оказался настолько прочным, что он захватывал и ученых, приехавших в Харьков с уже сложившимися научными навыками — например, И. И. Гливенко, сменившего С. В. Соловьева на кафедре западноевропейских литератур.

Вот с какими итогами подходили харьковские литературоведы к периоду между двумя революциями 1905—1917 годов. Филологический факультет в этот период заметно изменился в своем составе. До этой поры большинство университетских литературоведов были воспитанниками Харьковского университета. В первое десятилетие XX века на факультет пришли новые преподаватели с различными интересами и воззрениями, не связанные ни по воспитанию, ни по характеру деятельности с местными традициями. Ряды старых профессоров стали редеть: умерли С. В. Соловьев, Л. Ю. Шепелевич, М. Г. Халанский; переехали в Петербург Д. Н. Овсянко-Куликовский, позже А. П. Кадлубовский. Историко-филологическое общество продолжало существовать, кадры литературоведов пополнялись новыми силами из числа бывших воспитанников университета (А. И. Белецкий, Н. П. Жинкин). Но прежней относительно цельной картины литературоведения данной поры уже не представляет.

В первое десятилетие XX века и в России и в странах зарубежной Европы все острее начинает ощущаться кризис, который переживает буржуазная наука об обществе. Литературоведение входит в полосу сомнений в своем праве на существование в качестве науки, в полосу болезненных исканий «метода», специфического объекта изучения.

Эти сомнения и колебания уже в начале века высказывал видный представитель «историко-культурной школы» А. Н. Пыпин. В своей «Истории русской литературы» он писал: «В работах наиболее компетентных специалистов мы встречаем признание, что вопрос об истинных задачах истории литературы все еще остается темным, и другие специалисты не отрицают этого»¹.

Те же примерно слова еще в начале 90-х годов мы находим у другого крупного ученого, который всю жизнь искал и не находил закономерностей литературного развития, у Александра Веселовского. «История литературы, — говорит он, — напоминает географическую полосу, которую международное право освятило как *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию. Относительно нормы не оговорились, иначе не возвращались бы так настоятельно к вопросу: что такое история литературы?»².

¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I, изд. 2, СПб, 1902, стр. 5—6.

² А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 53.

Через семь лет другой профессор всеобщей истории литературы — М. Н. Розанов, в своей вступительной лекции также жаловался, что история литературы не завоевала себе прочных прав гражданства, не вырабаталась в строгую и вполне самостоятельную науку, не установила даже точных приемов исследования¹.

Одну из главных причин такого положения многие видели в том, что история литературы будто бы «еще молодая наука». Однако, если даже не углубляться в эпоху античности, если не усматривать элементов науки о литературе и работах текстологов, библиографов, полигисторов XVI—XVII вв., а датировать рождение науки о литературе приблизительно концом XVIII—началом XIX вв., то и тогда ссылку на «молодость» науки о литературе в XX столетии едва ли можно признать основательной.

В 1914 году была впервые напечатана «на правах рукописи» книга В. Н. Перетца (в ту пору профессора Киевского университета) «Из лекций по методологии истории русской литературы». Перечислив и охарактеризовав в ней двенадцать «субъективных» и «объективных» методов истории литературы, категорически отбросив идею какого-либо «универсального метода» общественных наук, В. Н. Перетц провозгласил единственным подлинно научным методом — метод филологический. «То, что важно, историку, юристу, исследующим также словесные памятники — совершенно неважно для историка литературы и наоборот. Ибо мы изучаем не жизнь людей и ее законы, а жизнь литературных памятников, законы их издания и принципы поэтического творчества», — писал В. Н. Перетц².

Понятно, что у читателя сразу может возникнуть недоумение: возможно ли изолировать «жизнь литературных памятников» от «жизни людей»? Не останавливаясь на этом вопросе, В. П. Перетц формулировал задачи науки такими словами: «История литературы рассматривает формальную сторону памятников, их эволюцию, оставляя изучение содержания историку культуры»³. Для нее будто бы важно то, как выражает поэт свою идею, а не то, что выразил он. Далее делается оговорка: «Изучение идейной стороны литературных произведений историк литературы полезно (!) для выяснения эволюции их формы»⁴.

Так едва ли не впервые с университетской кафедры был декларирован «метод», который уже после Октября получил наименование «формального». Сам В. Н. Перетц в данной работе, говоря о практическом применении этого метода, не выходил за пределы древнерусской литературы.

«Методология» В. Н. Перетца в свое время была событием и оказывала влияние и за пределами узкого круга прямых учеников киевского профессора — в частности, в среде молодых словесников Харьковского университета. Но «формализм» в литературоведении стал воинствующим направлением позже. Вообще же накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в академической науке, и в журнальной критике господствовало состояние методологической растерянности, разброда мыслей, смутных «исканий», эклектизма, возводившегося в принцип, или же полного отказа от какого-либо метода — провозглашение полного субъективизма в изучении произведений литературы.

Наследие великих предшественников марксизма — идеологов русской революционной демократии — еще не было раскрыто во всей полноте его значения для науки. Делались попытки его дискредитировать (выступле-

¹ М. Н. Розанов. Современное состояние вопроса о методе изучения литературных произведений, «Русская мысль», 1900 г., № 4.

² В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской лит-ры, стр. 95.

³ Там же, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 221.

ние ныне забытого критика-импрессиониста Ю. Айхенвальда против Белинского). Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского не существовало. Издание полного собрания сочинений А. И. Герцена было предпринято лишь в самый канун революции.

Работы пионеров марксистской критики в значительной части были полулегальными и почти не влияли на академическую науку.

Кризис грозил сделаться затяжным. Тавро безнадежного эклетизма лежало на всех историко-литературных работах предреволюционной поры. Специалисты в области так называемых точных наук не без основания сомневались в праве литературоведения называться наукой.

По существу, это право оно получило лишь после Октября, по мере того, как литературоведы стали осваивать марксистско-ленинский метод и вместе с представителями других общественных наук впервые почувствовали под собой твердую почву. Но освоение это не было скачком и потребовало от каждого большой, напряженной работы.

Сорок лет истории Харьковского университета и истории литературоведения в нем распадаются, примерно, на три отрезка времени.

Первый, охватывающий 13 лет и заканчивающийся в 1932 году, можно характеризовать, как период исканий и борьбы, которые чаще всего выражались в деструкции высшей школы. «Трудным и сложным» называют этот период в жизни университета авторы книги «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет». «Преобразования, проводившиеся в нем в эти годы, были слишком «радикальными». Все, что хотя бы по форме напоминало старый университет, третиновалось, как рутина, и беспощадно изгонялось. Завещание В. И. Ленина о том, что «мы должны взять то хорошее, что было в старой школе»¹, в условиях Украинской, как и некоторых других советских республик, не было выполнено².

С этими словами нельзя не согласиться. Но тем не менее в процессе этой деструкции зарождались и конструктивные элементы, в дальнейшем принесшие свои благие плоды.

В кругу литературоведческих дисциплин появилась и заняла прочное место новая — вовсе отсутствовавшая в учебных планах университетов эпохи царизма наука — история украинской литературы.

Правда, исследование и преподавание украинской литературы, преимущественно «древней» (литературы эпохи феодализма), проводилось в Харьковском университете под видом курсов «южно-русской или юго-западной» литературы, читавшихся, разумеется, на русском языке. В 1905 году была сделана попытка явочным порядком ввести украинскую литературу в учебный обиход (проф. Н. Ф. Сумцовым), но в скором времени она была ликвидирована начальством. До 1917 года украинское литературоведение в царской России существовало как занятие частных лиц, обычно работавших за пределами высшей школы. Известны заслуги в деле изучения украинской литературы и народного творчества Ивана Франка, М. Драгоманова, И. Житецкого, Н. И. Петрова и других; в Киеве занималась старинной украинской литературой школа В. Н. Перетца во главе с учителем, в Харькове ее изучали А. А. Потебня, Н. Ф. Сумцов (представители кафедры русского языка и словесности), Д. Н. Багалей (занимавший кафедру русской истории). Прогрессивным украинским литературоведам и критикам приходилось бороться и с великодержавным шовинизмом, и с украинским буржуазным национализмом под угрозой быть обвиненными в «сепаратизме».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

² «Харьковский гос. университет им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955. стр. 270.

Лишь с 1917 года украинское литературоведение из частного предприятия стало делом государственного значения. Тотчас возникла потребность в учебниках, хрестоматиях, методических разработках. В составлении их приняли участие заслуженные профессора, например Н. Ф. Сумцов, выпустивший несколько изданий своеобразно (из небольших отрывков) составленной «Хрестоматії українського письменства», и наиболее молодые работники высшей школы, например, А. И. Белецкий и Л. А. Булаховский, кроме учебников для трудовой школы выпустившие небольшой сборник статей «Методичні уваги» для учителей старшего концентратора. Сжатый очерк истории украинской литературы, рассчитанный на слушателей курсов «українознавства» издал в 1927 году проф. А. П. Шамрай. Все это было, разумеется, еще не наукой, а так же как и другие подобные издания 20-х годов, скорее заявкой о том, что время для создания данной науки настало.

Расширились рамки изучения истории русской литературы. Официальная программа испытаний в государственных экзаменационных комиссиях при университетах заканчивалась Пушкиным и Гоголем. После революции в университетах стали читаться систематически курсы истории русской литературы XIX века. В дальнейшем время потребовало и обращения к современной, советской (русской и украинской) литературе. Буржуазное литературоведение, как известно, считало невозможным изучать историю живого литературного процесса. Оно скептически относилось к возможности заниматься «новой» литературой, ссылаясь на то, что материал, дескать, недостаточно «отлежался» и в освещении его неизбежны субъективные пристрастия и вторжение «публицистики». Жизнь разрушила этот предрассудок и мало-помалу утвердила еще один новый предмет изучения и преподавания — советскую литературу.

Крупные перемены произошли и в составе научных кадров. В до-революционном университете аспиранты, или, как их тогда именовали, «оставленные при университете для приготовления к профессорскому званию», насчитывались единицами. Не часто удавалось и этим единицам добраться до сдачи «магистерских экзаменов» и до пробных лекций, дававших право чтения курса в университете. В большинстве случаев молодые словесники, чтобы обеспечить свое материальное существование, шли преподавателями в средние школы и там, обремененные уроками и погруженные в исправление ученических тетрадок, постепенно порывали связи с университетом. С преобразованием старого университета в советский вуз забота о подборе и воспитании молодых научных кадров стала одной из важнейших.

Из старшего поколения литературоведов в 1917 году в Харькове, кроме Н. Ф. Сумцова и И. И. Гливенко (вскоре переехавшего в Москву), оставались только А. И. Белецкий и Н. П. Жинкин. После Октября в университете начал работать приехавший из Казани профессор А. П. Машкин. Но значительно вырос круг научной молодежи. На первых порах учебный процесс был отделен от научной работы. Средоточием последней стали особые, так сказать, «надстройки» над высшей школой — научно-исследовательские кафедры с аспирантами, научными сотрудниками и действительными членами. Литературоведение частью вошло в кафедру истории европейской культуры (руководитель проф. В. П. Бузескул), частью в кафедру украинской культуры (руководитель профессор Д. И. Багалей).

В 1927 году была организована кафедра литературоведения при Харьковском институте народного образования с четырьмя секциями:

теории и методологии, украинской литературы, русской литературы и западноевропейских литератур. Руководителем кафедры, заведовавшим также секцией теории и методологии, был А. И. Белецкий. Большинство аспирантов и сотрудников кафедры¹ стали затем профессорами и доцентами харьковских вузов (М. О. Габель, З. С. Ефимова, М. П. Самарин, А. Г. Розенберг, М. П. Легавка, С. М. Утевский). Кафедра устраивала систематические заседания с докладами и семинары для аспирантов. Результаты научной работы сотрудников публиковались в научных сборниках и общей прессе УССР и РСФСР (в органе Главнауки Наркомпроса УССР «Наука на Украине», 1922 — статьи А. И. Белецкого, Н. П. Жинкина, А. П. Машкина; в сб. «Творческий путь Тургенева» под ред. проф. Н. Л. Бродского, изд. «Сеятель», II гр., 1923 — статьи А. И. Белецкого, М. О. Габель, М. П. Самарина; в сб. «Творческий путь Достоевского» — статья М. Г. Давидович; в сб. «Русский романтизм» под ред. А. И. Белецкого, изд. Academia, 1927 — статьи З. С. Ефимовой, М. О. Габель, М. Г. Давидович; в «Научових записках н.—д. кафедри історії української культури», 1927, № 6 — статьи Н. Жинкина, М. Самарина, М. Габель, А. Розенберга; в изданиях Украинской Академии наук, в журнале «Червоний Шлях» и др.).

Большинство работников научно-исследовательской кафедры литературоведения одновременно вели преподавательскую работу в вузе и на рабфаках, а кроме этого обслуживали в качестве лекторов аудитории Красной Армии, профсоюзных организаций, заводских клубов. Профессора-словесники старого университета, как уже было сказано, также выступали с популярными лекциями. Но, конечно, ни по широте работы, ни по составу аудитории, ни по характеру лекций новые факты не идут ни в какое сравнение с дореволюционным «просветительством». Рушилось вековое средостение между интеллигенцией и трудящимися массами, получившими доступ к настоящему знанию и жадно потянувшимися к нему. Нарождалась новая советская интеллигенция. Социальная революция выдвинула призыв к революции культурной.

Новые формы работы осваивались не без труда. Слишком долго господствовали индивидуалистические навыки; «анархия производства» не могла сразу уступить место планированной, коллективной, целеустремленной работе. Советское литературоведение рождалось и развивалось в Харьковском университете (как и в других) в условиях острой классовой борьбы. На литературоведческом фронте она выражалась в борьбе против формализма, против «переверзевищины», вульгарного социологизма и других пережитков меньшевистской идеологии, против «ефремовщины» и иных разновидностей украинского буржуазного национализма — за марксистско-ленинскую методологию².

От попыток объединить «формальный метод» с «социологическим» (так называемое «форсоцство»), примирить потебнианство с марксизмом, от подражаний П. С. Когану, В. М. Фриче и недостаточно усвоенному Г. В. Плеханову — литературоведы постепенно переходили к углубленному изучению первоисточников — сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Начинали понимать, что изучать классиков

¹ Сведения о них и их работе можно найти в бюллетене Укрнауки — «Наука на Украине», 1927, № 2—4, стр. 181—184.

² См. ж. «Критика», 1931, № 7—8 (ст. М. Легавки — «Формалістичний «ковчег»); ж. «Літературний архів», кн. III, 1931 (выступления М. Легавки, А. Шамрая, І. Айзенштока и др.).

марксизма-ленинизма нужно не только для того, чтобы отыскать у них прямые высказывания о литературе и об искусстве и затем эти высказывания цитировать на лекциях или в статьях, а прежде всего для того, чтобы усвоить их метод мышления, их подход к изучению общественных явлений.

Ленинская теория отражения, ленинское учение о «двух нациях» и «двух культурах» в условиях буржуазного общества, о неравномерности развития капитализма, о социалистическом государстве и социалистическом обществе, о трех этапах истории освободительного движения в России, о партийности литературы, об отношении к культурному наследию прошлого — стали для харьковских литературоведов (как и для всех советских ученых) руководством к пониманию закономерностей литературного процесса.

Понятно, что воспользоваться этим драгоценным руководством было возможно, только усвоив представление, что марксизм не догма, а руководство к действию, только уразумев, что такое подлинный историзм, которым должно быть проникнуто наше отношение к прошлому, только осознав, что деятелей прошлого должно судить не за то, чего они не дали, а за то, что они дали. Нелегко было преодолеть воспитанное веками авторитарное мышление, понять, что классики марксизма-ленинизма требуют дальнейшего движения теоретической мысли, все время сообразующейся с практикой.

* * *

Громадное значение в деле перевоспитания старших и воспитания молодых кадров имели решения и постановления ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У по вопросам идеологической работы и, в частности, по вопросам литературы.

Существенную помощь харьковским литературоведам оказывал пример товарищей из РСФСР, а отчасти и других братских республик.

А сверх этого перевоспитывала сама жизнь, успехи социалистического строительства и непосредственное участие в процессе развития советской литературы на Украине.

В начале XIX века, как уже было сказано, в Харьковском университете и вокруг него зарождалась новая украинская литература. В 20—30-годах нашего века, в совершенно иных условиях университет (и под прямым своим именем, и под «псевдонимами», которые он принимал в эпоху своих метаморфоз с 1920 по 1933 год¹) стал, так сказать, питомником, где вырастали кадры украинской советской литературы.

Забегая вперед и не придерживаясь хронологической последовательности, назовем только имена украинских советских писателей, начинающих свою работу под сенью Харьковской *almae matris*.

Это поэты: Володимир Сосюра, Иван Вирган, Ярослав Гримайло, Петр Дорошко, Наталя Забила (выдвинувшаяся затем и как детская писательница), Юрий Корецкий, Степан Крижановский (поэт и литературовед), Терень Масенко, Игорь Муратов, Иван Нехода, Валентин Бычко, Дмитро Билоус (два последние работают теперь в Киеве).

Это прозаики: Дмитро Бедзик, Олесь Гончар (с осени 1938 года до ухода на фронт студент ХГУ), Оксана Иваненко (получившая широ-

¹ Академия теоретических знаний (АТЗ), Институт народного образования (ИНО), Институт проф. образования (ХПИПО).

кую известность своими произведениями для детей), Олександр Ильченко, Олександр Копиленко, Василь Кучер, Иван Сенченко, Вадим Собко, Иван Снегирев, Юрий Шовкопляс.

Это, наконец, критики и литературоведы: Леонид Новиченко, А. Трипильский, Иван Пильгук (ныне доктор филологических наук, работающий в Киевском педагогическом институте).

Перечень, вероятно, неполон. Но среди названных видим имена, занявшие место в первых рядах советской литературы.

К ним можно добавить университетских преподавателей, более или менее активно участвовавших в советской украинской прессе 20—30-х годов: А. И. Белецкого, А. П. Машкина, А. П. Шамрая и др. Дело не в перечне имен. Дело в том участии, которое филологический (под разными названиями) факультет Харьковского университета принимал в создании украинской советской литературы.

Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 года (об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах), постановления Совета Народных Комиссаров от 10 марта и 21 июля 1933 года восставили на новых основаниях существование государственных университетов на Украине, положили конец неоправдавшему себя экспериментам в области учебной и научной работы.

С 1933 по 1941 год начинается второй период в жизни советского Харьковского университета, а вместе с тем и в истории литературоведения в нем.

Это был период большого подъема¹, широких замыслов, большого притока молодых научных сил и их быстрого роста.

Решение ЦК ВКП(б) и Совета народных Комиссаров СССР по вопросу об ученых степенях и званиях (1934), о введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах были важным стимулом научной и учебной работы. Трудно перечислить всех тех, кого выдвинул Харьковский университет на руководящую литературоведческую работу.

Старейшим (по времени окончания университета) является Д. Д. Благой, ныне член-корреспондент Академии наук СССР, историк литературы XVIII века, выдающийся пушкинист, лауреат Сталинской премии, организатор крупных научных предприятий Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. Еще в предреволюционные годы Д. Благой принимал активное участие в историко-литературных семинарах филологического факультета, получил золотую медаль за сочинение о творчестве Ф. И. Тютчева.

В Харькове начинал работу В. О. Перцов, ныне широко известный исследователь творчества Маяковского. Студентом Харьковского университета был И. Я. Айзеншток (ныне работающий в Ленинграде), автор многочисленных работ об украинской литературе XIX века, знаток творчества Котляревского, Гулака-Артемовского, Квитки, Шевченко и др., выдающийся текстолог, в годы Великой Отечественной войны награжденный орденами за отважную работу в тылу неприятеля.

Воспитанником Харьковского университета является Р. М. Самарин, ныне доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежных литератур в Московском университете и сектором зарубежных литератур в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

Из других харьковских литературоведов, выдвинувшихся своими

¹ См. цит. выше книгу «Харьк. университет за 150 лет», стр. 286—304.

работами еще до войны и продолжающих плодотворно трудиться вплоть до сегодняшнего дня, назовем М. О. Габель, обратившую на себя внимание литературоведов СССР статьями о поэтике былинного эпоса, исследованиями о Княжине, Тургеневе, Шедрине (в настоящее время работает в Харьковском библиотечном институте и подготовила докторскую диссертацию «Творчество И. С. Тургенева 40—60-х годов и литературное движение его времени»), З. С. Ефимову (в настоящее время закончившую докторскую диссертацию о Парижской коммуне в русской журналистике и художественной литературе конца XIX века); С. М. Шаховского, работающего сейчас во Львовском университете, а в харьковский период своей деятельности составившего «Хрестоматию критичних матеріалів про нову українську літературу» (1940), впоследствии переизданную и не утратившую своего научно-педагогического значения и до сих пор.

Все это представители, так сказать, «старшего поколения», хотя и не ровесники по возрасту. Об интенсивности исследовательской работы и о разнообразии научных интересов среднего и младшего поколения может свидетельствовать хотя бы один перечень кандидатских диссертаций, защищавшихся в Харьковском университете в годы, непосредственно предшествовавшие Великой Отечественной войне.

По истории русской литературы защитили диссертации и были утверждены в степени кандидатов филологических наук товарищи: Г. Н. Гай (ныне доктор филологических наук, профессор Днепрпетровского университета) — «Ранняя беллетристика А. И. Герцена»; М. О. Габель — «История одного города» Салтыкова как антидворянская сатира»; Н. Ф. Зверев — «Литературная деятельность М. Л. Михайлова»; Н. С. Воскресенский — «В. Г. Короленко — художник»; М. В. Черняков — «Политические романы М. Хераскова», В. Т. Плахотишина «Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; М. Е. Финкель — «Русская публицистическая драматургия 60-х годов»; И. А. Рахлин — «Беллетристика «Русского слова» (1859—1866) в связи с историей журнала»; В. Осмоловский — «Жанр социально-дидактической сказки в русской литературе с 1880 по 1905—1907 гг. XIX в.»; В. Н. Кнейчер «1905-й год в русской драматургии»; Н. С. Потапчик — «Борьба Н. А. Добролюбова против дворянской литературы»; И. Г. Илюхин — «Автобиографические повести А. М. Горького», С. Н. Лапина — «Реализм уральских романов Мамина-Сибиряка».

По истории зарубежных литератур в эти же годы были защищены диссертации товарищей: А. Г. Розенберга — «Теория классического стиля»; И. М. Граевской — «Ранний период творчества Теккерея»; А. З. Левинсон — «Фастнахтшпили Ганса Сакса»; С. М. Утевского — «Драматургия Софокла»; Ю. В. Корецкого — «Видение Петра Пахаря» (поэма английского поэта XIV века Ленгленда); Р. М. Самарина — «Трагические поэмы Агриппы д'Обинье»; М. Черепанова — «Иммануил Римский в связи с некоторыми моментами литературного процесса итальянского возрождения»; С. Ю. Вестермана — «Андре Шенье и русская литература»; П. П. Вербицкого — «Раннее творчество Анри Барбюса»; Е. А. Габер — «Романы Мариво». Приготовила, но смогла защитить уже после войны кандидатскую диссертацию Е. М. Гинзбург — «Социальный роман Годвина «Калейб Вильямс».

По истории украинской литературы диссертации защищались С. М. Шаховским, И. Т. Балакой, Е. Г. Пономаренко-Вербицкой, С. Крижановским.

Названы только диссертации тех, кто либо работал в харьковских вузах, либо прошел аспирантуру в Харьковском университете или

Харьковском педагогическом институте. Темы работ могут показаться с первого взгляда случайными и не всегда актуальными. Но такое впечатление будет ошибочно. Основною задачей аспирантов 30-х годов было изучение демократических элементов в литературном наследии и реалистического направления на разных этапах его истории и в разных его направлениях. Немало поставленных тут вопросов и до сих пор не получили надлежащего разрешения. Можно пожалеть, что из всего этого материала была опубликована сравнительно небольшая часть (представление печатных авторефератов в ту пору еще не было обязательным).

Современники помнят, как оживленно проходили заседания Ученого совета филологического факультета, на которых защищались диссертации, и какую большую аудиторию они собирали. Харьковский университет и его филологический факультет начинали жить полнокровной жизнью. Литературоведы откликались на юбилейные даты А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, А. М. Горького, М. Ю. Лермонтова докладами, статьями, брошюрами (см. статью О. И. Білецького — «Завдання вивчення Пушкіна», ж. «Комуністична освіта», 1937, № 2; М. Левавки — «Шлях Максима Горького», ж. «За марксо-ленінську критику», 1932, № 10; его же — «Максим Горький», ДВОУ «ЛІМ», 1932; его же — «Творчий шлях Дем'яна Бедного (до 50-річчя, 1883—1933 р.)», «За марксо-ленінську критику», 1933, № 6, и другие работы). Большую работу по изучению творчества Лермонтова предпринял проф. Н. П. Жинкин.

Но столетия со дня смерти Лермонтова (в 1941 году) Харьковским литературоведам уже не пришлось отметить...

* * *

В июне 1941 года мирная жизнь нашей Родины была нарушена вероломным вторжением фашистских полчищ. В октябре 1941 года значительная часть профессуры и студенчества была эвакуирована в г. Кзыл-Орду Казахской ССР. В феврале 1942 года там же произошло слияние Харьковского университета с Киевским — в Объединенный Украинский госуниверситет.

Мы не будем останавливаться на работе харьковских литературоведов в годы эвакуации. Основная энергия была направлена по педагогической линии. Научная работа не замерла: проводились научные сессии, проходили даже защиты диссертаций, но, несмотря на помощь, оказанную правительством и партийными органами Казахской ССР, условия работы были чрезвычайно тяжелыми. Лишь с конца 1943 — начала 1944 года, после освобождения Украины от гитлеровцев, началось восстановление Харьковского университета и постепенное налаживание в нем научной работы.

Это восстановление потребовало почти героических усилий. Библиотеки, научно-вспомогательные учреждения — все, вплоть до здания университета, находилось в состоянии разорения и разрушения. И все-таки университет оживал сравнительно быстро. С 1944—45 годов можно говорить о новом, третьем периоде его жизни, а вместе с тем и о третьем периоде в истории Харьковского советского литературоведения — периоде, который продолжается на наших глазах.

Обзор его приходится начать с упоминания об утратах, понесенных за годы войны и годы восстановления составом харьковских литературоведов.

Война вырвала из их рядов Ю. В. Коренного, талантливого переводчика на украинский язык произведений Байрона, Шиллера, Диккенса и других зарубежных классиков. Упомянутая выше его диссертация о поэме средневекового английского поэта XIV века Ленгленда, являющейся горячим протестом против феодального строя, сопровождалась поэтическим переводом отрывков из этой поэмы, свидетельствовавшим и об отличном знании истории английского языка и о глубоком понимании стиля и ритма памятника, известного пока русским читателям только в дословном прозаическом переводе.

Погибли на фронте аспиранты тт. Вестерман, Балабан (почти закончивший работу об украинской сатирической литературе XVII—XVIII веков), Мюллер (закончивший диссертацию о литературно-эстетических воззрениях Леси Украинки) и аспирант кафедры русской литературы Харьковского университета П. Адамский, с исключительным энтузиазмом отдававшийся научной работе и готовивший диссертацию по истории русской литературы 80—90-х годов — как известно, наименее обследованному (и до сих пор) участку этой истории.

В эвакуации умерли А. З. Левинсон, специалистка по зарубежным литературам (диссертация ее названа выше) и М. Г. Давидович (б. сотрудник научно-исследовательской кафедры литературоведения при ХИНО), талантливая исследовательница вопросов литературного мастерства, осведомленная равно в фактах русской литературы XIX века и западноевропейских литератур (напечатаны ее работы «Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века», «Проблема занимательности в романах Достоевского», «Тема страсти у В. Я. Брюсова»).

Уже после войны харьковские литературоведы понесли потерю в лице талантливого лектора доцента Н. Ф. Зверева и некогда окончившего Харьковский университет, много поработавшего и в средних школах, и на рабфаках, и в высших школах, и в массовых аудиториях разных типов — М. Н. Самарина.

М. П. Самарин оставил после себя немного печатных работ (по вопросам творчества Короленко, Тургенева, Гончарова, а особенно Пушкина, по вопросам методики преподавания литературы и др.) и принадлежал к тому типу научных работников, которые полностью проявляются в устных выступлениях. В этой области он был настоящим мастером, о котором с благодарностью вспоминают его многочисленные ученики.

В период войны по истории русской литературы диссертации защитили: М. П. Легавка — «Современные концепции о Пушкине»; М. Е. Эпштейн — «Лермонтов в русской дооктябрьской критике»; Д. Ф. Марков — «Русская песня и А. В. Кольцов».

В послевоенное время на соискание степени кандидата филологических наук защитили диссертации: А. Ю. Гуревич — «Мировоззрение и литературно-критическая деятельность Н. В. Шелгунова»; Н. В. Красильников — «Народная песня в творчестве М. Горького»; М. Г. Зельдович — «К истории и теории реализма передовой русской литературы 40 гг. XIX в.»; И. Т. Чирко — «В. Г. Короленко и народничество»; Д. В. Филурин — «Военные рассказы Л. Н. Толстого»; Е. К. Миксон — «В. Г. Короленко и народное творчество»; З. М. Запорожец — «Тема труда в творчестве А. М. Горького»; М. Ф. Гетманец — «Творческий путь П. А. Павленко»; Л. Я. Лившиц — «Драматическая сатира «Тени» Салтыкова-Щедрина». По западной литературе в этот же период кандидатские диссертации защитили: В. А. Чиркова — «Из истории реалистического романа во Франции середины XIX века» и Ю. А. Кривых — «Герцен о немецкой литературе XIX века».

Научные силы после войны разместились, помимо университета, в Педагогическом институте им. Г. С. Сковороды, в Библиотечном институте, в Педагогическом институте иностранных языков. Часть ученых перешла на постоянную работу в Киев. Среди всех харьковских высших учебных заведений преимущество остается за университетом, имеющим давние прогрессивные традиции, располагающим большим штатом, научной библиотекой, издательством. Разумеется, ни о каком прямом преемстве между старым Харьковским университетом и новым, советским, говорить не приходится. Но в известной мере лучшие научные традиции дооктябрьской поры сохраняются и в новой обстановке живут новой жизнью.

К этим традициям относится, например, отмечавшийся выше интерес харьковских ученых к вопросам теории литературы. В прошлом он наиболее ярко выразился в деятельности А. А. Потебни, его учеников и последователей. К сожалению, начатое в годы революции переиздание сочинений Потебни остановилось. Книги и статьи Потебни по вопросам теории поэзии в настоящее время являются редкостью. Украинские ученые остались в долгу перед крупнейшим из филологов Харькова дооктябрьской поры. Сказанное относится не только к Харьковскому университету, но и к Академии наук СССР.

Но интерес к изучению теории литературы, как мы уже видели, сохранялся в течение всего сорокалетия. С проблемами, поставленными Потебней, связаны, например, работы А. И. Белецкого — «Об очередной задаче историко-литературной науки: об изучении истории читателя» (1922), «В мастерской художника слова» (1923) и другие — вплоть до книжки «К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы» (1934) и статьи «Проблема синтеза в литературоведении» (1940). Под редакцией А. И. Белецкого вышел русский перевод книги одного из предшественников немецкой «психологической поэтики» Р. Мюллера — Фрейенфельса, сделанный И. Кагановым и З. Паперной (с библиографическим списком русских книг по поэтике, составленным И. Айзенштоком). Все это относится еще к довоенным годам.

В 1952 г. М. П. Легавка (возглавляющий с 1933 года кафедру русской литературы в ХГУ) опубликовал статью «О двух сторонах изучения литературного наследия», где еще раз с широкой аргументацией показал необходимость изучать литературные факты прошлого не только с точки зрения того, как они возникли в истории (с точки зрения их генезиса), какие этапы они в своем развитии проходили, но и «с точки зрения этого... развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹, т. е. изучать историческую функцию фактов вплоть до настоящего времени.

«Для всестороннего и полного раскрытия художественного наследия прошлого,— говорит автор статьи,— необходим синтез генетической и функциональной сторон исследования. Такое осуществление двустороннего анализа литературного наследия, как единого диалектического метода изучения, позволяет уяснить не только историческое, но и современное значение творчества писателя. Лишь этим методом мы достигаем полного «определения» предмета.

...Только новое социалистическое общественное сознание в состоянии оценить действительную идейно-эстетическую значимость художественного наследия прошлого»².

В плане такого функционального исследования и создает М. П. Ле-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

² «Труды филолог. факту ХДУ», т. 2, 1952, стр. 84.

гавка свою большую работу «Основные проблемы пушкиноведения в их историческом развитии».

В свое время А. А. Потебня, говоря о значении художественного образа, имел в виду разнообразие его «применений» последующими поколениями. В известной мере последовал за ним, изучая русскую литературу XIX века, Д. Н. Овсяннико-Куликовский. В цитированной работе М. П. Легавки поставлена перед исследователями и педагогами определенная и плодотворная задача — изучать жизнь классического наследия в «новом социалистическом общественном сознании».

Вопросы теории литературы давно привлекали к себе А. Г. Розенберга. В послевоенные годы им закончен ряд больших исследований по эстетике и теории поэзии в зарубежных литературах, к сожалению, в большей своей части остающихся неопубликованными. Специальный этюд он посвятил поэтике А. А. Потебни. Из опубликованных А. Г. Розенбергом в разное время статей назовем еще: «Вопросы ритмики Т. Г. Шевченко» (1939), «Некоторые наблюдения в области изобразительных средств украинской народной песни» (1952).

Из филологов младшего поколения, М. Г. Зельдович написал книгу «Вопросы теории реализма», выпущенную издательством Харьковского университета под редакцией проф. Л. И. Тимофеева. Интересные наблюдения над языком и стилем художественных произведений опубликовал Г. И. Шкляревский («Из наблюдений над языком и стилем научной прозы А. С. Пушкина» по материалам «Истории Пугачева», 1952; «Некоторые вопросы анализа языка и стиля художественной литературы», 1956).

Прибавим к сказанному, что на филологическом факультете постоянно работает семинар по вопросам эстетики. В недавнее время он провел дискуссию по проблеме национальной формы советской литературы с докладом В. Н. Кнейчера, в течение ряда лет разрабатывавшего эту проблему, до сих пор во многом неясную, несмотря на книгу Г. Ломидзе «Единство и многообразие» (М., 1957), статьи разных авторов в журнале «Дружба народов» (1957) и др. В Харьковском университете первым поставил эту проблему тот же А. А. Потебня.

Изучение истории русской литературы в послевоенные годы было по-прежнему сосредоточено на истории литературы XIX—XX веков.

Творчество А. С. Пушкина, к которому в дооктябрьском Харьковском университете обращались Н. Ф. Сумцов, А. П. Кадлубовский, М. Г. Халанский и др., стало предметом специального изучения бывших воспитанников университета члена-корр. АН СССР Д. Д. Благого, чья работа «Творческий путь А. С. Пушкина» (1950) получила Сталинскую премию. Свои изучения творчества Пушкина продолжает в Киеве А. И. Белецкий. В Харькове на вопросах пушкиноведения сосредоточился М. П. Легавка, в 1956 году опубликовавший статью «Об автоцензуре Пушкина», заинтересовавшую пушкинистов РСФСР.

На кафедре русской литературы ХГУ работает проф. М. П. Гушин (защитивший в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР докторскую диссертацию о творчестве А. П. Чехова). М. П. Гушин, ранее известный своими работами о литературной деятельности Каронина-Петропавловского, Новодворского-Осиповича и др., изучает Чехова в контексте современной ему журналистики и литературы, привлекая обширный журнально-газетный материал, еще мало обследованный. Как уже было сказано, русская литература 80-90-х годов до сих пор в значительной своей части *terra incognita* и попытки проложить пути в этой чаще, где отдельными вершинами виднеются только Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк, даже при возможных неудачах, заслуживают внимания и продолжения.

Выше уже говорилось о работах по русской литературе XIX в. М. О. Габель, З. С. Ефимовой. Из поколения, относительно младшего, назовем М. В. Чернякова, читающего лекции на филологическом факультете ХГУ (результатами их явились работы о публицистике Горького, статья «Из истории русско-украинского литературного единения в период революционной ситуации 1859—1861»), а в последние годы взявшегося за исследование «Жизни Клим Самгина».

Менее активно ведется в Харькове изучение зарубежных литератур.

Кроме А. Г. Розенберга (в настоящее время работающего над творчеством Стендаля), нужно назвать П. П. Вербицкого, в 1955 г. напечатавшего книгу «Прапороносці миру» (о творчестве А. Барбюса, Л. Арагона, А. Стиля) и готовящего исследование по истории польского реализма (о романах Болеслава Пруса).

В Педагогическом институте С. М. Утевский работает над ответственной темой о «Фаусте» Гете. В Библиотечном институте история зарубежных литератур представлена, кроме прочих, И. Я. Кагановым, заявившим о себе в печати также работами по книговедению, по истории читателя и др.

Явно отстает и от уровня 20—30-х годов и от требований настоящего времени изучение украинской литературы в харьковских вузах. Ни в одном из них нет пока ни профессора, ни доктора филологических наук по профилю украинской литературы. Ближе других к этой «высоте» стоит, видимо, И. Т. Балака, изучающий вопрос об украинской литературе в оценках русской и украинской критики 60—70-х годов (напечатаны его статьи «Марко Вовчок в оценке русской революционно-демократической критики», 1952; «Чернышевский и украинская литература», 1953; «Літературні погляди І. Франка», 1956, и др.).

Вышла в свет монография доцента Е. Г. Вербицкой о Квитке-Основьяненко. Доцент А. М. Неженец, автор кандидатской диссертации «Іван Вишенський — представник реалізму в українській літературі кінця XVI і початку XVII ст.», занимается вопросами истории украинской литературы эпохи феодализма. М. И. Челак (Кенигсберг) защитила кандидатскую диссертацию о романе Олеса Гончара «Прапороносці». Ко дню столетия со дня рождения И. Я. Франко выпущен четвертый том трудов филологического факультета со статьями И. Т. Балаки, А. М. Неженец, И. Г. Булашенко, М. И. Челак, А. М. Финкель, Ф. Л. Пустовой и др.

Упомянуты, конечно, не все фамилии, названы не все статьи, появившиеся в прессе, но факт отставания от 20—30-х годов, когда украинская литература в Харьковском университете преподавалась и изучалась А. П. Шамраем, И. М. Ткаченко (специалистом по Панасу Мирному), В. Коряком (автором двухтомной, правда, построенной на «принципах» вульгарного социологизма «Історії української літератури», 1927—1929) и другими, — остается несомненным. Надеемся, что это явление временное, отчасти, объясняющееся убылью сил, поскольку после войны ряд работников перешел из Харькова в Киев (в Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР) и в западные области Украины.

Мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий библиографический обзор всего, что сделано в области литературоведения в Харькове за прошедшее сорокалетие. Но и приведенные неполные данные позволяют сказать, что в разные периоды жизни университета и других вузов, где работают его бывшие воспитанники, научная работа проводилась довольно интенсивно. Харьковские литературоведы и старшего и младшего поколения настойчиво добивались овладения марксистско-ленин-

ской методологией. Они боролись против ее извращений и против пережитков теорий, враждебных марксизму. Они спорили, резко выступали друг против друга — иногда без достаточных оснований, признавая впоследствии, что критика их бывала несправедливой, и сами в отдельных случаях становясь объектами не всегда справедливой критики. Несомненно одно, что, ошибаясь и исправляя свои ошибки, критикуя и подвергая самих себя критике, они все-таки шли вперед. Они вырастали за эти годы, годы, изобиловавшие внешними и внутренними событиями, но неизменно приводившие наш народ к победам во всех областях экономической, социально-политической и культурной жизни.

Мы не станем и преувеличивать значение работы харьковских литературоведов советского времени. В ней ощутимы и сейчас разные недочеты. Профессора, доценты и преподаватели разных вузов работают разрозненно, не координируя своих работ, не объединяясь в труде над какими-либо большими проблемами. Объединяющую роль должен был бы взять на себя университет. Но расстояние от Университета до Педагогического или Библиотечного институтов часто оказывалось, фигурально выражаясь, большим, чем расстояние от Харькова до Киева.

А способы к объединению, конечно, имеются. Образование научно-исследовательского филологического института, подобного тому, который одно время существовал, например, при Ленинградском университете, дело сложное. Но невольно вспоминаются уже давние времена Харьковского историко-филологического общества. Конечно, на работе его лежал отпечаток провинциальной «патриархальности». Случайность господствовала и в выборе тем и в публикации материалов. Общество не располагало устойчивым бюджетом. И все же оно объединяло не только университетских специалистов, но и преподавателей средней школы и научную молодежь. Оно издавало свои труды, организовывало публичные чтения, объявляло конкурсы на научные темы и выдавало премии за лучшие работы. Почему бы в новых, несравненно более благоприятных условиях не организовать в Харькове подобного объединения филологов или хотя бы только литературоведов, которые систематически встречались бы и общались друг с другом?

Запущенным участком является сейчас история литературы (русской и украинской) эпохи феодализма. Некогда (в дореволюционном университете) «история древнерусской литературы» подавляла историю всех других ее периодов. В настоящее время не привлекла внимание исследователей и за сорок лет, кроме двух-трех работ по истории старинной украинской литературы, никаких «достижений» у Харькова в этой области не имеется.

А между тем в библиотеках и архивах Харькова, хоть и пострадавших от фашистского грабежа, имеется и сейчас немало не изученных и даже не выявленных материалов, рукописей и старопечатных книг на разных языках, ценных не только для истории типографского искусства, но и для литературоведа, и для историка точных наук и медицины. Бытовавшее некоторое время в научных кругах предубеждение против занятий «старинной» и, в частности, «древней литературой», разумеется, и ненаучно и неактуально. Изучение старинной украинской литературы, ее связей с фольклором, ее соотношения с древнерусской литературой, литературами инославянскими и литературами романо-германского мира совершенно необходимо для борьбы с буржуазными националистами от М. Грушевского до Дмитра Чижевского, избиравшими именно этот участок (литературу эпохи феодализма), как плацдарм для вражеских нападений на советское литературоведение и историю. Подтасовывая и извращая факты литературной старины, они пытались доказывать прио-

ритет украинской литературы над «великорусской», отсутствие связей между ними, теорию «единого потока» и «безбуржуазности» украинской нации и т. п. Но это, конечно, только одна сторона дела. О том, как полезна тренировка молодых филологов на исследовании памятников древней литературы, хорошо знают литературоведы, и об этом можно не распространяться.

Недостаточно занимаются в Харькове и историей русской советской литературы. Как ни странно, но даже критические работы о писателях близкого к Харькову Донбасса создаются чаще всего не харьковскими авторами. Из Харьковского университета выдвинулось, как уже говорилось, немало деятелей советской литературы — украинской и русской. Среди последних можно назвать, например, В. А. Добровольского, в 1941 году закончившего филологический факультет Харьковского университета, лауреата Сталинской премии.

Впрочем, возможно, что харьковские литературоведы вскоре заявят о себе и в этой области — и не только работами об О. Гончаре, П. Тычине, украинской советской поэме и украинской советской новелле, но и исследованиями творчества русских советских писателей. Ибо Харьков — это город не только Сковороды, Квитки-Основьяненко, Потебни, Н. Ф. Сумцова, Д. Багалея, но и Гаршина, Чехова и таких ученых, как Мечников, Данилевский, Бекетов, Краснов, Бузескул.

Одной из замечательных особенностей Харьковского университета является исконное содружество в нем двух культур, русско-украинское культурное единение, с давних времен остающееся нерушимым при всех изменениях социально-политической жизни.

Харьковские литературоведы не могут не помнить, что у них были предшественники, в тяжелых условиях царского режима старавшиеся работать на пользу народа и сделавшие заметный вклад в развитие отечественной науки.

Вместе с тем, харьковские литературоведы, вооруженные методом марксизма-ленинизма, участники великой культурной революции, не могут не сознавать, что звание советского ученого обязывает не только продолжать и развивать хорошие традиции прошлого, но и создавать научную продукцию высшего качества. И общие успехи коммунистического строительства в нашей стране вселяют уверенность, что эту обязанность харьковские литературоведы выполнят с честью.

